

НАУЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: РАБОТЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

DOI: 10.17805/zpu.2015.2.35

Категория гуманности в китайской культурно-философской традиции

С. А. Митькина

(ВСЕРОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ, МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В китайской культурно-философской традиции наиважнейшей ценностью является добродетель, которая заложена в основу построения процветающего общества. Статья посвящена анализу главного вида добродетели в китайской системе ценностей — гуманности (жэнь).

Китайское понятие гуманности значительно отличается от западного. Человек в Китае, в первую очередь, понимается не как свободная, индивидуальная личность, а скорее как средство достижения общественных и государственных целей. На Западе подобное отношение к личности может рассматриваться как ущемление прав человека. В китайской же философской традиции под гуманным обществом подразумевается такое общество, в котором личностные интересы индивида отходят на второй план, а главное — это всеобщее процветание нации. Отношения в таком обществе выстраиваются по принципу строгой иерархии, которая действует и в государственных, и в семейных отношениях.

При этом высшей ценностью в китайской традиционной философской традиции является семья. Именно в семье достигается счастье, духовная самореализация. Однако в строгой иерархии семейных отношений индивидуализму и самореализации личности отводится второстепенное место. На первом месте по традиции находится общее благо.

Отмечается, что вследствие исторически сложившейся особенности китайского менталитета — пренебрегать личностными интересами — развились такие свойства национального характера, как жертвенность, коллективизм.

Ключевые слова: китайская философия, Китай, китайские традиции, китайская добродетель, китайская гуманность, жэнь.

ВВЕДЕНИЕ

С точки зрения исследователей китайской традиционной философии важнейшим аспектом в изучении человека, его бытия, духовно-ценностных ориентаций является анализ категории гуманности, или человеколюбия (жэнь). Среди современных мыслителей, занимающихся исследованием этой проблемы, особенно стоит отметить работы А. С. Переломова (Переломов, 1993), А. И. Кобзева (Кобзев, 1994, 2006), В. В. Малявина (Малявин, 1999), А. С. Мартынова (Мартынов, 2006), А. Е. Лукьянова (Лукьянов, 2013), В. Г. Бутова (Бутов, 2009: Электр. ресурс) и др. Особый вклад в изучение данного аспекта внес один из видных философов Китая XX в. Фэн Ю-лань (1895–1990) (Фэн Ю-лань, 1998).

Изучение наиважнейшей категории традиционной китайской идеологии сегодня становится особенно актуальным ввиду очевидного процесса «возрождения культуры

Конфуция и связанных с ним этических норм» (Буров, 2009: Электр. ресурс). В настоящее время правительство Китая в связи с переходом страны на новый этап экономического и общественного развития активно ищет возможности соединения принципов традиционной конфуцианской этики с современными реалиями социальных взаимодействий. В бурном процессе глобализации особенно большое значение для правительства Поднебесной приобретает борьба за сохранение многовековой самобытной культуры страны, противостояние вестернизации общества. Главным средством в этой борьбе является упор на традиционные духовные ценности: высокую нравственность конфуцианской морали и силу добродетели.

Добродетель согласно китайской философско-культурной традиции базируется на совершенных отношениях в семье и обществе. Традиционная система духовных ценностей зиждется на почитании старших, уважении к древности, любви к учебе, культуре, знаниям. Именно эти понятия взращивают добродетель в человеке. А из добродетели, как пишет видный отечественный синолог А. Е. Лукьянов, берет свое начало человеколюбие, или гуманность (Лукьянов, 2013).

Представления о гуманности у человека Востока и Запада чрезвычайно разнятся, можно даже сказать, что они противоположны. То, что конфуцианство продолжает считать гуманным, с точки зрения современного европейца может рассматриваться как ущемление прав человека.

Китайская гуманность, или жэнь, как одна из наиболее значимых категорий в истории китайской философской мысли и духовной культуры в целом, разумеется, привлекает внимание не только китайских, но и российских, и западных ученых. Очевидно, что однозначной оценки философско-исторической осмысленности данного термина до сих пор не существует. Более того, не сложилось и единого мнения относительно трактовки самого иероглифа жэнь. Данное утверждение как нельзя лучше подтверждают слова А. С. Мартынова: «Удручающая полисемия термина “гуманность” в учении луского мудреца стала в синологии уже достаточно признанным фактом» (Мартынов, 2006: 133).

В данной статье на основе анализа и обобщения уже имеющихся исследований мы постараемся уточнить понятие «гуманность» в соответствии с китайской традицией, раскрыть его сущность, выявить духовно-нравственное содержание.

О ПОНЯТИИ «ЖЭНЬ»

Пожалуй, самую элементарную трактовку иероглифа «гуманность», жэнь¹, если его рассматривать по составляющим частям, может дать любой человек, имеющий хоть какие-то базовые знания о системе ключей китайского языка: слева — графема «человек», справа — число «два». Иными словами, первое, что бросается в глаза, иероглиф жэнь — это прежде всего «два человека». Таким образом, сразу видно, что человеколюбие по-китайски подразумевает отношение человека к человеку или место человека среди людей.

Рассмотрим теперь некоторые трактовки ученых — специалистов в данной области. Китайский профессор Чжоу Гу чэн предлагал интерпретировать иероглиф жэнь как «человек — должен быть человеком» (цит. по: Переломов, 1993: 376). Именно это и предполагает конфуцианство: благородный муж ставит интересы общества выше собственных, умеет контролировать свои эгоистичные порывы; для него важнее процветание социума, в котором он обитает, чем собственный успех. Таким образом, предполагается отказ от удовлетворения своих интересов в угоду общественному процветанию. Путем строгого, порой даже аскетического воспитания, самоконтроля, со-

блюдения необходимых ритуалов китаец должен учиться жить в соответствии с правилами подобной морали. Личные интересы отводятся на второй план.

Понимание этого аспекта конфуцианской идеологии очень важно для исследования современного китайского общества, и прежде всего человека, его менталитета, поступков, стремлений. Ведь это учение отражает специфику именно китайского менталитета: Конфуцию удалось разглядеть тонкие нюансы психологии поведения людей. Китайцы не забывали и никогда не забудут заветов своего знаменитого Учителя, так как остаются верны в первую очередь себе, а через это — Конфуцию. Поэтому конфуцианство, несмотря на критику — как радикальную, так и более мягкую в разные периоды истории (Воскобойников, Митькина, 2014), — и по сей день продолжает оказывать влияние на страну, ее политический и общественный строй.

Согласно другой трактовке жэнь — это прежде всего «способность сохранять связь с Небесными силами, с духами предков. <...> Собственно, эта мысль отражена и в самом написании иероглифа жэнь, который состоит из графемы «человек» и двух горизонтальных черт². Человек как часть вселенской триады соединяет собой два других начала — Небо и Землю» (Маслов, 2005: 187). Такое понимание термина хоть и выглядит мистическим, тем не менее не противоречит вышесказанному. Человек един с Небом и Землей. Он несет перед ними ответ. Поэтому должен действовать исходя из понимания блага не только для людей, но и для всего Космоса. «...Небо и Земля характеризуются числом три, превосходящим разделяющую двоичность. <...> Появляется место для человека, но это место раздвоено и неотделимо от Неба и Земли. Двуполому Человеку не дано быть отдельным, он неразрывно связан и с Небом, и с Землей...» (Девятов, 2002: 75) Примечательно, что и в представлении религиозной философии Запада человек мыслился неотделимым от мира, созданного Богом. Мысль о своеобразной «трехмерности человека» можно найти и у Эйнштейна (Горелов, Горелова, 2012: Электр. ресурс).

Согласно самому Конфуцию «гуманность — это любовь к людям» (Конфуций, 2015: 118). Любить людей — значит исполнять долг перед обществом. Конфуций также использует термин жэнь для обозначения совокупности всех добродетелей. Таким образом, добродетельный человек — это человек, исполненный жэнь (Фэн Ю-лань, 1998: 63).

Следовательно, главное, к чему следует стремиться человеку, по мнению китайцев, — это всеобщее благо, процветание родного государства и счастье всего народа. Такая высокая цель, разумеется, должна предполагать способ ее достижения и необходимые жертвы на пути к ней. Сдерживание себя, соответствие требованиям ритуала — способ, а жертва — личностные интересы.

Жэнь как аспект китайского традиционного (т. е. конфуцианского) осмысления несколько шире западного «человеколюбия», так как предполагает такие межличностные отношения, в которых подразумевается отказ от собственных эгоистических устремлений во имя всеобщего процветания.

На протяжении долгого времени подобное «пренебрежение» личностью западными мыслителями рассматривалось как показатель отсталости китайской философии в сравнении с «продвинутым» Западом. Так, Г. В. Ф. Гегель вообще не считал идеологию Китая философией. Личность не свободна, соответственно, по его мнению, она не может философствовать: «Эта ступень единства духа с природой, которая, в качестве непосредственной, не представляет собою истинного и совершенного состояния, есть вообще сущность Востока; философия поэтому начинается лишь в греческом мире. <...> Конечность воли составляет свойство восточных народов, так как

воля у них еще не постигла себя как всеобщее, ибо мысль у них еще не свободна для себя» (Гегель, 1993: 143–144).

ЧЕЛОВЕК И ИЕРАРХИЯ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ «ЖЭНЬ»

Философские школы Востока и Запада всегда различались в вопросе личности человека. Присущий Западу индивидуализм, культ личности, борьба за права человека, согласно традиционному китайскому учению, являются признаками низкого человека (сяожэнь), т. е. антипода благородного мужа (цзюнь цзы). Возможно, мыслителям Востока еще в далекой древности открылся факт, что чрезмерный культ личности способен привести к эгоизму, бесстыдству, разврату и, как следствие, ущербу этой самой личности.

«Человек для китайца никогда не есть индивид (т. е. “неделимый”), некая внутренне однородная и уникальная личность. Он всегда дан как иерархическая структура — сцепление “предшествующего” и “последующего”, отца и сына, учителя и ученика, знающего и незнающего и т. д.» (Малявин, 1999: 235). Идеологической основой данного иерархического порядка следует считать учение Конфуция об «исправлении имен», согласно которому стабильность в обществе достигается путем точного совпадения имени (т. е. термина) и явления (обозначаемого термином). Так, отец должен быть отцом, сын — сыном, правитель — правителем, подчиненный — подчиненным³. Таким образом, в Китае царит строгий регламент во всех сферах общественной жизни. Общественные отношения и отношения внутри семейства выстраиваются на основе строгого нерушимого порядка: «начальник — подчиненный» — в социуме, «старший — младший» — в семье. Китаец с молоком матери впитывает чувство природного неравенства как в государстве, так и в семье.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КИТАЙСКОЙ ГУМАННОСТИ

Семья, или более глобально и по-китайски — клан, или род (цзяцзу), возвышается над личностью. Это основополагающее понятие для китайца, в нем заключается высшая духовная ценность. «Сыновья почтительность и братская любовь — это и есть корень человеколюбия» (Конфуций, 2014: 97).

Крепкая семья — залог счастья и благополучия. Главное — это суметь выстроить хорошие взаимоотношения, взрастить достойное потомство. Такова специфика приоритетов в традиционной китайской системе духовных ценностей. Примечательно, что и последователь учения Конфуция Мэн-цзы понимал жэнь как способность «установить связь между родственниками» (см.: Маслов, 2005: 187). Сам Конфуций предписывал строго соблюдать правила, ритуалы, обязанности подданного перед правителем, детей перед родителями, младшего брата перед старшим и т. д.

Как пример, рассмотрим понятие «братство» (сюнди). В нашем языке оно подразумевает дружбу, сплоченность. В китайском же языке понятие буквально звучит как «старший брат, младший брат», т. е. в нем подразумевается идея зависимости младшего от старшего. При перечислении родственников опять же присутствует строгая иерархия: на первом месте — отец, потом — мать, далее — старший и младший братья, старшая и младшая сестры и на последнем месте — «я». Интересно также, что на китайском языке допустимо не ставить запятую при подобном перечислении, т. е. получается одно большое слово-выражение.

Правила подобной иерархии, несмотря на начинающийся процесс активного распространения западного образа мышления со свойственным ему вольнодумием и тя-

гой к всевозможным свободам, до сих пор соблюдаются большинством полуторамиллиардной китайской нации. Редко найдется работник среднего звена, посмеявшийся даже в несущественной мелочи возразить начальству. Рядовой служащий КНР, как правило, не интересуется, с какой целью ему поручено задание. В иерархии компании он исполняет роль только «рук», а не «головы». Есть задание — выполняй его молча, следуя негласному лозунгу «работа есть работа». Однако и ответственность за ошибки подчиненных всегда лежит на начальнике.

Вторичность личности перед государством или родом (или кланом) проявляется и в такой своеобразной форме, как постановка имен: на первом месте из двух (или трех) иероглифов, обозначающих фамилию и имя китайца, первым всегда стоит фамильный иероглиф (как правило, один), затем именной (один или два). Например, Ван Яоин. Этот порядок в правилах китайской грамматики, в отличие от русской, нерушим и противоположен западному образцу.

Пренебрежение собственным «я» доказывает и свойственная китайской нации жертвенность. Для китайца, жителя центра мира⁴, куда привлекательнее отдать жизнь за свое государство, нежели прогнуться под «иностранных варваров», пришедших с «окраин» Земли. За примерами, подтверждающими данное утверждение, не надо далеко ходить. Достаточно оглянуться в недалекое прошлое: XX в., война с Кореей⁵. Китайские солдаты, в большинстве своем добровольцы, без страха бежали на шквальный огонь американцев. В нашем понимании — это безусловное проявление героизма; для китайцев же — лишь страх «потери лица» (дю лян).

В то же время сложно говорить о гуманности, вспоминая о массовых расстрелах участников уличных беспорядков в 1989 г. во время печально известных событий на площади Тяньаньмэнь. Однако и в этом, казалось бы, самом что ни на есть показательном проявлении жестокости со стороны правительства можно усмотреть акт «безличностной» гуманности: жизни десятков тысяч человек приносились в жертву процветанию многомиллионного общества.

Но что скрывает под собой столь неясное для нашего обывателя понятие «потери лица»? При трактовке иероглифа жэнь как «два человека» вполне логично предположить наличие определенных обязанностей индивида перед другими обитателями социума. Невыполнение таких обязанностей чревато публичным позором. Причем китайское традиционное воспитание призвано культивировать в человеке и чувство стыда за невыполненные обязанности. Не сделал то, что должен, — потерял лицо (перед семьей, обществом, государством). Ведь понятие лица здесь равносильно статусу, социальной значимости человека. Это как хорошая обложка книги, внутри которой может быть любое содержание, однако туда мало кто будет заглядывать. «Понятие “лица” (мянцзы), — пишет А. Маслов, — играет важнейшую роль в китайском социальном этикете... На протяжении столетий сознание рядового китайца формировалось как часть группового сознания, а поэтому соответствие нормам оказывалось значительно важнее индивидуальной свободы. И в этом смысле “лицо” есть ни в коем случае не самооценка человека, а его оценка группой» (Маслов, 2010: 80). Самое страшное — это потеря лица перед иностранцем⁶. Например, при ведении бизнеса нередко возникают ситуации, в которых по той или иной причине приходится в чем-то отказывать. Однако практически невозможно получить прямой отказ от китайца. Отказ воспринимается как намек на некомпетентность партнера и всякое отсутствие желания работать с ним. Следовательно, дать прямой отказ, равно как и получить, — это сулит «потерю лица», поэтому немыслимо для китайцев. Вместо «нет» вы скорее получите молчание или обещание подумать над этим еще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, можно сказать, что слабому развитию индивидуализма в Китае противостоит необычайно мощная сила коллективизма, массовая сплоченность. В сознании китайцев преобладает чувство всеобщего единства нации. Менталитет китайского народа пронизан духом национализма и жертвенности, в обществе преобладает подавление личной свободы во имя процветания государства. А суть добродетели по-китайски — делать то, что диктует долг, традиция и ритуал, действовать в угоду обществу, а не отдельно взятой личности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Есть основания полагать, что понятие «жэнь», возможно, и сам иероглиф ввел именно Конфуций, так как до его рождения (ок. 551 г. до н. э.) этот термин не встречается в письменных источниках (Кобзев, 1994, 2006).

² Что соответствует цифре «два».

³ Свой утопический идеал «благородного мужа» Конфуций прежде всего хотел видеть в правителе. Идеальный правитель должен быть примером во всем для своих подчиненных. Он без усталости их поучает, вдохновляя к самосовершенствованию. Подчиненные же беспрекословно слушаются. Иначе в обществе наступает дисгармония (Конфуций, 2014: 143–166; Конфуций, 2015: 12).

⁴ Китайцы неспроста именуют свою страну «срединным государством» (чжун го). Они с давних времен считают, что находятся в середине чжун, т. е. в центре мира; соответственно представители других наций — «провинциалы» с окраин (Маслов, 2010: 8, 24, 35; Девятов, 2002: 49).

⁵ Война Северной и Южной Кореи (1950–1953) часто рассматривается как противоборство США (на стороне Южной Кореи) и союзных сил СССР и КНР, которые поддерживали Северную Корею.

⁶ Иначе говоря, перед представителем «варварского народа». В поведении китайцев всегда прослеживалось некое презрение ко всему «несрединному», т. е. некитайскому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Буров, В. Г. (2009) «Поднебесная принадлежит всем»: О духовной составляющей социализма с китайской спецификой [Электронный ресурс] // Литературная газета. № 36 (6240). 9 сентября. URL: <http://old.lgz.ru/article/10043/> [архивировано в WebCite] (дата обращения: 14.02.2015).

Воскобойников, А. Э., Митькина, С. А. (2014) Традиционные и модернизационные ориентации в истории китайской философии // Культура как фактор модернизации России: коллективная монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 270 с. С. 262–268.

Гегель, Г. В. Ф. (1993) Лекции по истории философии: в 3 кн. СПб.: Наука. Кн. 1. 350 с.

Горелов, А. А., Горелова, Т. А. (2012) Христианство и современная физическая картина мира [Электр. ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». № 3 (май — июнь). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Gorelov_Christianity-Modern-Physical-World-View/ [архивировано в WebCite] (дата обращения: 07.02.2015).

Девятов, А. П. (2002) Китайская специфика: как понял ее я в разведке и бизнесе. М.: Муравей. 336 с.

Кобзев, А. И. (1994) Жэнь // Китайская философия: энцикл. сл. / отв. ред. М. А. Титаренко. М.: Мысль. 652 с. С. 127–128.

Кобзев, А. И. (2006) Жэнь // Духовная культура Китая: в 5 т. / гл. ред. М. А. Титаренко. М.: Восточная литература. Т. 1: Философия / под ред. М. А. Титаренко, А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова. 727 с. С. 262–264.

Конфуций. (2014) Афоризмы и притчи / сост. Гэ Лайбо. М.: Эксмо. 288 с.

Конфуций. (2015) Суждения и беседы («Лунь юй») / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус. 224 с.

Лукьянов, А. Е. (2013) «Лунь юй»: философия, добродетель и культура — принцип гармоничного единства Поднебесной // Китай. № 8. С. 78–79.

Малявин, В. В. (1999) Уроки китайской стратегии // Китайская наука стратегии / сост. В. В. Малявин. М. : Белые альвы. 414 с. С. 229–240.

Мартынов, А. С. (2006) Конфуцианство: этапы развития. Конфуций. «Лунь юй». СПб. : Азбука-классика. 352 с.

Маслов, А. А. (2005) Тайный код Конфуция. Что пытался передать Великий Учитель? Ростов н/Д. : Феникс. 279 с.

Маслов, А. А. (2010) Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М. : РИПОЛ классик. 288 с.

Переломов, Л. С. (1993) Традиционная китайская философия и ее роль в современном Китае // Книга правителя области Шан (Шан цзюнь шу) / отв. ред. Ю. Л. Кроль. 2-е изд., доп. М. : Ладомир. 392 с. С. 367–379.

Фэн Ю-лань. (1998) Краткая история китайской философии. СПб. : Евразия. 376 с.

Дата поступления: 15.02.2015 г.

THE CATEGORY OF HUMANITY IN CHINESE CULTURAL AND PHILOSOPHIC TRADITION
S. A. MITKINA

(RUSSIAN FOREIGN TRADE ACADEMY; MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

In Chinese cultural and philosophic tradition, the most important value is virtue. It is on virtue that building a prosperous society depends, and in Chinese system of values, humanism is the main type of virtue.

The Chinese concept of humanism is hugely different from that in the West. This article provides the analysis of some distinctive features of the Chinese category of humanism, and of the meaning of the term humanism (“ren”) according to the Chinese linguistic reality.

Man in China is not understood as a free individuality, but rather as a means of achieving public and national goals. In the West, this could be considered a human rights abuse, but according to the Chinese philosophic tradition, a humane society exists where individual interests rank lower than the prosperity of the whole nation. Relationships in that kind of society are built under the principle of strict hierarchy in both public and family relations.

At the same time, family is the supreme value in Chinese philosophic tradition. Family is the only place where one can achieve happiness and spiritual self-actualization. However, the strict hierarchy of family relations also relegates individualism and personal fulfillment to the background, with the common weal in the fore.

Due to neglect of personal interest as a historically developed trait of the Chinese national character, nationalism, collectivism and self-sacrifice are peculiar for the Chinese nation. The article presents an analysis of some of the most important events in the 20th century history of China in order to prove the above statement.

Keywords: Chinese philosophy, China, Chinese traditions, Chinese virtue, Chinese humanity, ren.

REFERENCES

Burov, V. G. (2009) «Podnebesnaia prinadlezhit всем»: O dukhovnoi sostavliaiushchei sotsializma s kitaiskoi spetsifikoi [“The Celestial Empire” belongs to all people: On the spiritual component of socialism with Chinese specifics]. *Literaturnaiia gazeta*, no. 36 (6240), September 9. [online] Available at: <http://old.lgz.ru/article/10043/> [archived in WebCite] (accessed 14.02.2015). (In Russ.).

Voskoboynikov, A. E. and Mitkina, S. A. (2014) Traditsionnye i modernizatsionnye orientatsii v istorii kitaiskoi filosofii [Traditional and modernizing orientations in the history of Chinese philosophy]. In: *Kul'tura kak faktor modernizatsii Rossii* [Culture as a factor of Russia's modernization] : A collective monograph. Moscow, Moscow University for the Humanities Publ. 270 p. Pp. 262–268. (In Russ.).

Hegel, G. W. F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the philosophy of history] : in 3 books. St. Petersburg, Nauka Publ. Bk. 1. 350 p. (In Russ.).

Gorelov, A. A. and Gorelova, T. A. (2012) Khristianstvo i sovremennaia fizicheskaia kartina mira [Christianity and modern physical world view]. *Informatsionnyi gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*, no. 3 (May — June). [online] Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Gorelovs_Christianity-Modern-Physical-World-View/ [archived in WebCite] (accessed 7.02.2015). (In Russ.).

Devyatov, A. P. (2002) *Kitaiskaia spetsifika: kak ponial ee ia v razvedke i biznese* [Chinese specificity as I understood it in secret service and business]. Moscow, Muravei Publ. 336 p. (In Russ.).

Kobzev, A. I. (1994) Zhen' [Ren]. In: *Kitaiskaia filosofii* [Chinese philosophy] : An encyclopedic dictionary / ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Mysl' Publ. 652 p. Pp. 127–128. (In Russ.).

Kobzev, A. I. (2006) Zhen' [Ren]. In: *Dukhovnaia kul'tura Kitaia* [Spiritual culture of China] : in 5 vols. / ed. by M. L. Titarenko. Moscow, Vostochnaia literatura Publ. Vol. 1: Philosophy / ed. by M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Lukianov. 727 p. Pp. 262–264. (In Russ.).

Confucius. (2014) *Aforizmi i pritchi* [Aphorisms and parables] / comp. by Ge Laibo. Moscow, Eksmo Publ. 288 p. (In Russ.).

Confucius. (2015) *Suzhdeniia i besedy («Lun iui »)* [The Confucian Analects (“Lun yu”)] / transl. by P. S. Popov. St. Petersburg, Azbuka Publ. ; Azbuka-Attikus Publ. 224 p. (In Russ.).

Lukianov, A. E. (2013) «Lun' iui»: filosofii, dobrodetel' i kul'tura — printsip harmonichnogo edinstva Podnebesnoi [“Lun yu”: Philosophy, virtue and culture as a principle of the harmonious unity of the Celestial Empire]. *Kitai*, no. 8, pp. 78–79. (In Russ.).

Maliavin, V. V. (1999) Uroki kitaiskoi strategii [Chinese strategy lessons]. In: *Kitaiskaia nauka strategii* [Chinese science of strategy] / comp. by V. V. Maliavin. Moscow, Belye al'vy Publ. 414 p. Pp. 229–240. (In Russ.).

Martynov, A. S. (2006) *Konfutsianstvo: etapy razvitiia. Konfutsii. «Lun' iui »* [Confucianism: Stages of development. Confucius. “Lun yu”]. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ. 352 p. (In Russ.).

Maslov, A. A. (2005) *Tainii kod Konfutsiia. Chto pytalsia peredat' Velikii Uchitel'?* [The secret code of Confucius. What did the Great Teacher try to render?]. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 279 p. (In Russ.).

Maslov, A. A. (2010) *Nabliudaia za kitaitсами. Skrytye pravila povedeniia* [Looking at the Chinese: Hidden rules of behavior]. Moscow, RIPOL klassik Publ. 288 p. (In Russ.).

Perelomov, L. S. (1993) Traditsionnaia kitaiskaia filosofii i ee rol' v sovremennom Kitae [Traditional Chinese philosophy and its role in modern China]. In: *Kniga pravitel'ia oblasti Shan (Shan tszi-un' shu)* [The book of the Lord of Shan district (Shang chün shu)] / ed. by Yu. L. Krol'. 2nd edn., enlarged. Moscow, Ladimir Publ. 392 p. Pp. 367–379. (In Russ.).

Fung Yu-lan. (1998) *Kratkaia istoriia kitaiskoi filosofii* [A short history of Chinese philosophy]. St. Petersburg, Evraziia Publ. 376 p. (In Russ.).

Submission date: 15.02.2015.

Митькина Светлана Андреевна — старший преподаватель кафедры восточных языков Всероссийской академии внешней торговли, аспирант кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-56-11. Эл. адрес: wtop@mail.ru. Научный руководитель — д-р филос. наук, проф. А. Э. Воскобойников.

Mitkina Svetlana Andreevna, Senior Lecturer, Department of Oriental Languages, Russian Academy of Foreign Trade; Postgraduate Student, Department of Philosophy, Culturology and Politicalology, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5 Yunosti St., 111395 Moscow, Russian Federation. Tel.: +7 (499) 374-56-11. E-mail: wtop@mail.ru. Research advisor: Doctor of Philosophy, Professor A. E. Voskoboinikov.